

The book cover features a light blue background with a vertical red stripe on the left. A black ink-style illustration of a hand holding a small black vase is positioned on the left. A branch with red blossoms extends from the top left. A large, dynamic splash of red liquid, resembling blood, is on the right. The title 'ПИКА' is rendered in large, bold, red 3D letters with black outlines, and the subtitle 'МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ' is in smaller blue letters below it. At the bottom, the text 'электронная книга' and '2017' are centered.

**Александр
Асмолов**

ПИКА

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

электронная книга

2017

Детективы Александра Асмолова

Александр Асмолов

Пика

«Александр Асмолов»

2017

Асмолов А. Г.

Пика / А. Г. Асмолов — «Александр Асмолов»,
2017 — (Детективы Александра Асмолова)

ISBN 978-5-4485-5065-2

Художник волею судеб оказывается вовлеченным в погоню за огромным наследством убитого недавно в подмосковном городке олигарха, владевшего торговой империей неосторожно названной им когда-то «Паленке». Подобно исчезнувшим сокровищам храма «Змеи» индейцев майя, многим не дает покоя «золото Паленке». Некая могущественная организация надеется первой отыскать умело спрятанные деньги, используя уникальный дар художника, называемый в средние века «черным рисунком». Динамичный сюжет разворачивается в нескольких странах – Россия, Китай, Панама, Кипр, Малайзия, Филиппины. Книга будет интересна любителям детективного жанра и тем, кто интересуется эзотерикой.

ISBN 978-5-4485-5065-2

© Асмолов А. Г., 2017
© Александр Асмолов, 2017

Содержание

Знакомство	5
Золото «Паленке»	12
Портрет	17
Халиф	24
Знаки	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Асмолов

Пика. Мистический детектив

События, имена и даты вымышлены, все возможные совпадения случайны.

Знакомство

Позабывтая привычка заменять чашкой крепкого кофе свой завтрак стала для него первым штрихом в той незнакомой картинке, которая едва начала прорисовываться в сознании человека, возвращающегося к нормальной жизни. Вернее сказать, решившего, что с этого утра все станет, как прежде. Ему вдруг вспомнились давние занятия в клубе йоги, и непереносимое правило тех лет медленно просыпаться, подтягивая носки ступней на себя. Плавное напряжение мышц голени на вдохе, а потом икроножные на выдохе. Это несложное упражнение пробуждения еще спящего организма было из той самой жизни, которая однажды внезапно исчезла, словно ее смахнул разгневанный результатом своей отвратительной работы художник. Спустя какое-то время он решил вернуться к той теме, и вот теперь начал делать по памяти набросок.

Ступни плавно двигались в такт едва заметному дыханию. Глаза закрыты. Внимание сосредоточено на поднимающейся по воображаемым энергетическим каналам пране. Эта абсолютная энергия наполняла все тело, а затем и разум. Вспомнилась методика сброса лишней энергии через стопы, оставляющей только необходимую порцию для разгона по меридианам. Как же это было приятно просыпаться, возвращаясь в ту жизнь, словно после глубокого и длительного забытья.

Впрочем, он был еще не в своей кровати. Да и своей квартиры у него не было. Пока не было. Зато имя не отнять. Сава. Как давно его никто так не называл. За последние годы он свыкся с новым... Даже не именем, а погонялом, приклеившимся к новенькому в первый же день той жизни.

Память в деталях хранила этот момент перехода, когда его кто-то грубо подтолкнул на середину общей камеры и с лязгом захлопнул за спиной массивную дверь. В наступившей тишине он почувствовал на себе испытующие взгляды.

- Ты кто? – хриплый голос заставил его вздрогнуть.
- С-скворцов, – отчего-то заикаясь отозвался он и уставился на обшарпанный пол.
- Да это Лимпопо какое-то, – расхохотался хриплый голос, – а звонили «мокрушник».

Вокруг загоготали на все лады, явно обрадовавшись новой мишени для насмешек. Впрочем, чей-то уверенный голос оборвал общее веселье, демонстрируя, кто тут главный.

- Не тарахти, Шкет. Он еще и до Лимпопо не дорос. Посмотрим...

Сава даже мотнул головой, пытаясь сбросить всплывшие воспоминания. Они были еще сильнее йоги, но верилось, что это ненадолго. Привычно, наклонившись вправо, чтобы не зацепить головой верхние нары, он резко вскочил. В незнакомой комнате было тихо и спокойно. Через щель между задернутыми шторами пробивался дневной свет. Похоже, он проспал до обеда... Эта мысль была удивительно приятной.

– Как в старые добрые времена, – промелькнуло в сознании. – Еще бы вспомнить над чем он работал всю предыдущую ночь.

Длинные пальцы сделали привычное движение, словно он в задумчивости покрутил колонковую кисть. К нему возвращалась та далекая забытая жизнь. И, прежде всего, нужно

сварить кофе. Оно должно быть в этом доме. Ну, не может быть, чтобы именно в это первое утро его не было. Оглядевшись, он нашел теплый халат. Накинув его, с любопытством отправился изучать «новый мир».

На кухне его пытливый взгляд сразу отметил узор тонкого тюля, сквозь который дневной свет заливал все пространство. В интерьере чувствовалась заботливая женская рука, которая трудилась не спеша, уделяя слишком много времени деталям. Мужчины на это не способны – они охотники по сути.

– Пусть она любит кофе, а не чай, – взмолился внутренний голос Савы. – Ну, пожалуйста!

Именно за той дверцей шкафа, куда бы он сам поставил пакет с арабикой, оказалась ручная кофемолка. Старинной работы, с потертыми боками и большой изогнутой ручкой. Она словно сама удобно примостилась на животе, прижимаемая одной рукой, а другая начала молоть кофе. За окном застыл яблоневый сад. Занесенный снегом по колено, с голыми черными ветками, он впал в глубокий сон, ожидая весну.

– Братан... – улыбнулся гость, разглядывая классическую русскую картину, – мы одной крови.

На душе стало удивительно хорошо и спокойно. В последний раз такое ощущение накрыло его грешную душу, когда он расписывал тюремную часовенку... Это показалось таким забавным, что он рассмеялся.

– Скажи кому, не поверят. Романтичный экз вспоминает счастливое время на зоне... Врешь. Он уже вернулся. И за это первая чашечка кофе!

Монотонный шорох кофемолки располагал к воспоминаниям или размышлениям. Именно поэтому старая машинка ждала своего часа в шкафчике у окна. Тут же стояла маленькая медная турка, надраенная до блеска. Ровно на одну чашечку. Кто-то любил пить кофе в одиночестве. Что же, не будем нарушать традиций.

Керамическая плита покорно покраснела, демонстрируя свои возможности. Бывший экз невольно задержал ладони над туркой, вбирая приятное тепло. Январь, а на чужой даче уютно и тепло. Горка только что помолотого кофе не собиралась погружаться в пучину готовой закипеть воды. Весь секрет его любимого метода приготовления божественного напитка состоял в том, чтобы не размешивать кофе в воде, а ждать, когда доведенная до кипения вода начнет поглощать его. Нужно было поймать грань перехода, и не дать закипеть воде. Она начнет медленно, слой за слоем впитывать в себя мелко помолотый порошок, который начнет томиться в под тающей шапкой.

Несколько минут ожидания вознаграждают жаждущего финальным аккордом – в центре появляется светлая пенка из мельчайших пузырьков. По ее картинке Сава всегда угадывал, что готовит ему день грядущий. Когда-то у него в памяти хранилась целая библиотека этих пенных образов. Большинство из них были проверены многократно, и не подводили ожиданий. Сегодняшняя была одной из них – образ пирамиды в древней столице индейцев майя Паленке.

Как давно это было... Хранимое в глубинах памяти вдруг вырвалось на поверхность, и картинки пятнадцатилетней давности закружились, словно снежинки в метель. Тогда ему повезло, подающий надежды художник получил работу в крупной торговой сети Москвы. Да что там столицы, всей страны. Торговая сеть «Паленке» была первым в России ретейлером такого масштаба. Только в столице два десятка магазинов. И в каких местах! Свои склады, своя логистическая компания, свой банк, своя охранная фирма, свои представительства в Нью-Йорке, Лондоне, Милане, Париже, Гонконге, портовый терминал в Хельсинки... Хозяин этого торгового холдинга имел авторитет «креативщика» – искал ребят, способных реализовать его фантастические идеи. Бесцеремонно отсеивал пустышек, но кого брал в команду хорошо платил и требовал. Счастливое было время...

Кофе получился отменный. Возможно, это только показалось изголодавшемуся за девять лет зоны бывшему художнику, но знак пирамиды «Змеиного города» только усилил это впечатление. Дмитрий Орлов, хозяин «Паленке», тоже был фанатом кофе. Сава вспомнилась их первая встреча. Дмитрий Николаич сидел в большом, со вкусом обставленном кабинете красного дерева и слушал джаз. Как выяснилось позже, он был просто фанатом джаза и даже крепко дружил с лидером известной в то время группы «Дикая Дэзи». На их концерты иногда ходил и Сава. Они были одного возраста, примерно одних взглядов на современный интерьер и оба увлекались джазом. Это решило вопрос об испытательном сроке в «Паленке» за пару минут.

Фруктовые нотки кофе намекали на гватемальский Бурбон. Хотя, это могло быть и не совсем так. Сава давно забыл вид и вкус настоящих зерен этого сорта. Да и знатоков кофе, как и любителей хорошего вина, коньяка или виски немало. Некоторые предпочитают свой купаж, терпеливо подбирая для него компоненты. Если это был такой купаж, то придумал его мужчина или женщина с сильным мужским характером. Рано или поздно, они встретятся и непременно обсудят версию гостя за чашкой кофе.

Скорее всего он не случайно оказался на этой Подмосковной даче. Как не раз бывало за последние девять лет, бывшего художника передавали из рук в руки. Выполнив какую-нибудь работу, он получал следующую. Очевидно, сопровождаемый подобием рекомендательного письма. Зона живет по своим понятиям, гарантированных силой и поддерживающих заведенный порядок. Таким же образом «откинувшегося» зэка доставили по накатанной дорожке на Подмосковную дачу из-под Красноярска. Молчаливый водила с короткой стрижкой сделал свое дело и вместе со своим внедорожником исчез. Пять ночевок и три с половиной тысячи километров слились в калейдоскоп заснеженных дорог, вековых сосен и примитивного шансона. Желания свернуть с этой дороги и жить по своим правилам у Савы не было. Как не было у него ни дома, ни денег, ни человека, который захотел бы приютить его. Он иногда рисовал себя в воображении выпавшим из обоймы патроном. Мог бы выстрелить, да не из чего и не в кого. Вместе с кофе закончилось и желание размышлять на эту тему.

Взгляд скользнул по кухне и уперся в пульт от телевизора, который весело откликнулся на прикосновение к красной кнопке. Каналов было много, но все они были какие-то безвкусные: ток-шоу домохозяек, однообразные сериалы, дешевая кулинария, политические интриги, спортивные байки, биржевые прогнозы... Не случайно размер экрана был сопоставим с чайником, очевидно, пользовались им не чаще. Внезапно что-то привлекло внимание бывшего зэка. Это был криминальный репортаж в стиле девяностых годов.

На светофоре расстреляли машину какого-то бизнесмена. Пассажирское окно было продырявлено десятком пуль, а водитель не пострадал. Сава отметил аккуратность и кучность черных дырочек. Скорее всего, «водиле» повезло лишь потому, что стрелял профи, причем из мощного оружия. У несчастного бизнесмена не было шансов – стреляли из соседней машины, остановившейся у пешеходной «зебры» по сигналу светофора. Непонятна была жестокость киллера, с такого расстояния посадить пулю в висок мог и новичок. Жертва была пристегнута к сидению в паре метрах от стрелка, словно козленок при охоте на тигра. Причем репортаж был из какого-то подмосковного городка, даже не столица. Что-то тут было не так. Опять вернулись девяностые?

Размышления оборвались, когда на экране появилось фото жертвы. И без надписи крупными буквами художник узнал солидного, даже грузного мужика за сорок. Это был хозяин «Паленке» Дмитрий Николаевич Орлов...

Кофе не соврал. Вот к чему появилась та пирамида из «Змеиного города». Каменный диск календаря майя еще две тысячи лет назад все это предсказал. «Умей читать знаки», не раз повторял смотрящий на зоне под Красноярском по кличке Хан. Судьбе отчего-то было угодно, чтобы их пути пересеклись. Криминальный авторитет словно ждал там бывшего художника. Встретил и проводил тем же напутствием. Они никогда не корешились, но какая-то незримая

ниточка меж ними была, и это уважали остальные. Причем первую встречу никто бы не смог назвать дружеской.

Когда новенькому собрались устроить поверку и перекрестить в «Лимпопо», смотрящий резко оборвал эту затею. Не то, чтобы это было не по понятиям, просто авторитет до такой шушеры не опускался, на то шестерки имелись. Впрочем, Хан сам принял экзамен достаточно строго, так что зуб на новенького никто не поимел. Просто два «быка» поставили перед авторитетом бывшего художника и без лишних слов приступили к делу. Один сбил на колени, другой стал душить. Лишь когда Хан подал сигнал, едва живого новичка отпустила.

Тут, словно случайно, в камеру ворвались трое «вертухаев» наводить порядок. Новенький повел себя достойно, ни жалоб, ни угроз, все принял, как должное.

– Что молчишь? – с любопытством заглянул ему в глаза Хан.

– Пику вам, – огрызнулся новенький.

– Это кому пику-то? – переспросил авторитет.

– Так мой дед всегда говорил.

– И кто у нас дед?

– Никанорыч, из Козыревки.

– Так ты козырной? – братва загоготала.

– Нет. Это деревенька под Смоленском.

– От Минского шоссе далеко?

– Через Ручьевку верст пять будет.

– Земеля, значит... – братва выжидающе притихла, – Ну и с кем пикировался Никанорыч?

– Мне дед за родителей был, – неожиданно разоткровенничался Сава. – У него газета одна была. «Правда» за 10 мая 1945 года. Когда туго приходилось, он доставал ее из сундука и разворачивал на столе. Посмотрит-посмотрит, потом треснет кулаком, да гаркнет – «пику вам»! Вот и я так.

– Мне, стало быть?

– Перед смертью – любому.

– Уважаю, – тихо прокомментировал Хан.

Все молчали, ожидая решения смотрящего. Никто бы тогда за жизнь Савы и спичечного коробка не поставил, но обошлось.

– Ну, а чем на жизнь зарабатывал... Пика? – обратился авторитет к нареченному таким образом новичку.

– Художник я.

– О, как!

– Закончил Суриковское.

– Проверим... – оживился Хан. – Тебе прописаться полагается, но мы сырые. «Академиев» не кончали. Яви братве свою наколочку. Она и решит, малевать тебе или парашу чистить.

Он подождал, пока братва выскажется и добавил:

– Выбери сюжетец и смастери.

– Это как?

– А на своем плечике картинку сбадай.

– Какую?

– Чет! – авторитет только глянул на сокамерника, и тот без слов скинул футболку.

– Вот эту картинку со спины скопируй. Только поменьше. До таких размеров не дорос «ишшо».

– Иголку надо, тушь, зеркало... – попробовал увильнуть Пика.

– Анестезию забыл, – ехидно добавил Хан, и братва загоготала. – Посмотри внимательно, – он кивнул на дракона, изображенного в прыжке, на огромной спине «быка» со странной кличкой. – Завтра перед ужином покажешь. Если братве не понравится, наколку Чет сам исправит.

Это был экзамен. Его нужно было сдать на отлично, иначе могли «опустить». Сава тогда выменял у соседей по шконке тонкую иголку и пузырек зеленки на обещание выполнить позже любую наколку. Примостившись у окна, сделал миниатюру по памяти. Было больно, хотелось все бросить, но поговорка деда всегда выручала в таких случаях.

Перед ужином следующего дня братва придирчиво сличала получившуюся миниатюру на воспаленной с кровоподтеками коже шупленького плечика и шикарную наколку на широкой спине Чета. Народ остался доволен, но все ждали решающего слова смотрящего.

– Ну, не зря тебя «хозяин» сосватал, – едва кивнул Хан. – Живи, Пика.

Эти воспоминания, как в калейдоскопе, промелькнули в памяти у Савы. Они еще были свежими, яркими и оставляли тяжелый отпечаток на душе. Возникло желание отыскать бутылку водки и заглушить всю эту мерзость, но бывший зэк сдержался. Не гоже начинать новую жизнь с пьянки. Фарту не будет.

Он пощелкал по каналам и опять наткнулся на репортаж о расстреле бывшего владельца торгового-финансового холдинга «Паленке» на перекрестке Подмосковного городка. Репортер захлеб распинался о «новых девяностых», о беспределе преступности, приплетая сюда коррупционеров и разборки между олигархами. Вдобавок он сообщил, что в СМИ просочилась информация от достоверного источника в следственной группе. Оказалось, что есть запись с видеокамер злосчастного перекрестка, на которой отчетливо виден номер седана, из окна которого прозвучало несколько коротких автоматных очередей. Объявленный среди бела дня план «Перехват» привел лишь к тому, что в соседнем дворе был обнаружен тот самый седан. В салоне «следаки» нашли «калаш», с пустым рожком и сотовый, с SIM-кой, зарегистрированной на бомжика. Ни отпечатков пальцев, ни следов обуви, ни биоматериала с образцами ДНК отыскать не удалось. Висяк, одним словом.

– Уже слышал? – уверенный женский голос прозвучал так неожиданно, что Пика вздрогнул, по привычке втянув голову в плечи и быстро зыркнув по сторонам глазами. – Не бойсь, свои.

Он медленно оглянулся. В дверях кухни стояла стройная женщина со строгим худощавым лицом и короткой стильной стрижкой. На вид ей было лет двадцать пять, но судя по взгляду, можно было добавить еще десятку.

– Я тут... Позволил себе кофе сварить...

– Ты всегда такой робкий? – усмехнулась дама. – Серьезные люди поручились за тебя. Это дорогого стоит в наше время.

– Это весьма лестно, сударыня, – успокоился наконец-то Пика, – а в чем суть рекомендации? Если не военная тайна, конечно.

– А ты из военных? – вопросом на вопрос ответила незнакомка.

– Никак нет, мой генерал, – подал голосок Сава, давно не общавшийся с женщинами, но старые привычки быстро возвращались. – Надеюсь мой гражданский вид вас не смущает.

– Кстати, о внешнем виде, – она продемонстрировала ему фирменный пакет кого-то магазина. – Тут пара комплектов. В парадном нужно будет сделать фото. Сегодня.

– Дело заведете?

– Не бойсь. Тебя ж оформить надо, а то непонятно кто.

– Осмелюсь представится, прекрасная незнакомка. Сава Васильевич. Как вас величать?

– А ножкой шаркнуть? – женщина проигнорировала его вопрос. – Оставь это для курсисток, Пика. Мне нужен партнер. Для серьезного дела. Бабки хорошие. Чтобы их поднять, профи нужен.

– И в чем суть вопроса? – гость вальяжно закинул ногу на ногу, так и не встав навстречу даме.

– Еще не догадался?

– Будем брать банк, постреливая в разные стороны?

– Не отстрели себе чего-нибудь.

– Тогда кофейку...

Она рассмеялась, театрально откинув назад изящную головку и демонстрируя красивые зубы. При этом взгляд остался холодным и цепким. У Пики появилось дискомфортное ощущение какой-то суетливости, желания что-то непременно делать, пусть и бестолково. Так всегда было на зоне в момент надвигающейся опасности. Интуиция предупреждала его, и он знал, что самым верным средством обороны перед заведомо сильным противником, была своя игра. Любого уровня и формы. Главное, первому начинать и жестко вести свою партию.

– О, предупредительный выстрел, – наугад ответил бывший зэк и понял, что попал в точку.

Он догадался по мимолетному жесту руки собеседницы, что она владеет техникой внушения. Такие мастера попадались ему на зоне. Годами с утра до ночи они оттачивают свой дар, доводя до совершенства. Обычно эти спецы начинают шутливый разговор, чтобы прощупать жертву, а когда определяются, кто перед ними, начинают атаку с подобного приема. Она промолчала, не отрывая взгляда и, словно змея перед броском, начала скручивать длинное тело в напружиненные кольца.

– Вам пойдет татуировка анаконды на левой лопатке, – неожиданно для самого себя выпалил художник. – Цветной тушью с полутонами... Во время танца в открытом платье при свечах вы будете неотразимы. Как специалист, могу утверждать, что женская кожа намного нежнее мужской, и при особой технике дает удивительный результат. Если поработать с тотемным животным, вы будете неразделимы.

– Браво, Пика! Ты угадал.

– Именно на левой лопатке, – как ни в чем ни бывало, продолжил бывший зэк. – Моделиеры отчего-то чаще обнажают левое плечо, и мужчины привыкают к этому. Но, – он сделал интригующую паузу. – Когда вы внезапно обернетесь к нему, эффект будет совершенно неожиданным. Ибо застать противника врасплох – половина успеха в любом деле... О цене не беспокойтесь. Это пойдет в уплату за мой кофе, взятый без спросу.

– Болтун... – она спрятала коготки. – Где занимался психотехниками?

– У меня было девять лет на самообразование.

– На зоне?

– Не университет, но семь когнитивных процессов и их взаимосвязи немножко познал.

– Да ты коварен, Парамоша...

– Не корысти ради, а только волею, пославшей мя жены, – попытался подыграть ей Сава.

– Которую ты замочил? – тут Пика понял, что крупно подставился, до сих пор не пожелавшая назвать свое имя дама, выманила его из убежища и врезала под самый дых.

– Дык, я ж мокрушник... – он едва сдержал рвущийся наружу гнев от нахлынувших воспоминаний. Фраза деда Никанорыча и тут выручила. Все девять долгих лет желание отомстить за наглое ложное обвинение в убийстве помогало выжить Пике на зоне, укрытой в глухой Красноярской тайге.

– Ну да... – ухмыльнулась любительница русской литературы. – И братва тебя за это уважала.

– Готов резать всех слуг и лошадей ее кареты, – Пика уже был в седле.

- У вас там был драмкружок?
- А то? Правда, меня на роль Офелии худсовет не утвердил.
- Акцент подвел?
- С акцентом беда, мой генерал.
- Возможно мы вернемся к этой теме... – она мягко отступила, запомнив слабое место бывшего зэка. – Так что ты там говорил о кофе?

Золото «Паленке»

Кофейная церемония оказалась продолжительной, а с учетом пакета из супермаркета, принесенного дамой с короткой стрижкой, весьма приятной для бывшего зэка. Разнообразные нарезки быстро заполнили кухонный стол узорами, достойными кисти известных фламандцев, а бутылка коньяку в центре, словно Эйфелева башня, добавила привкус романтизма с авантюристическим акцентом.

После второго тоста Сава уже был на «ты» с Диной, и она открыла ему прикуп. Оказалось, что за те девять лет, что Пика потратил на изучение традиций и национальных особенностей зоны, с торговым холдингом «Паленке», где он успел потрудиться, произошли серьезные изменения.

Лет семь назад хозяин свернул торговую деятельность, закрыв магазины и распустив весь персонал. Ходило несколько версий о причинах такого резкого поворота – падение прибыли при насыщении рынка, войны с конкурентами, терки с «крышей»... Так или иначе, Орлов перепрофилировал свой бизнес с ритейла на аренду. В этом был резон, поскольку цены на столичную недвижимость серьезно подскочили, а прибыль была стабильной, не зависящей от капризов ритейла, санкций и таможенных проблем. Оставив маленький офис с десятком менеджеров, в обязанности которых входил поиск арендаторов и контроль за ежемесячной арендной платой, Орлов переехал в Лондон. Волею судеб хозяин торговой империи переквалифицировался в рантье.

– Не похоже на Дмитрия Николаевича, – мотнул головой художник, – это был танк высокой проходимости, который все время должен побеждать.

– Ты его хорошо знал? – Дина с намеком кивнула на опустевшие рюмки.

– Корешиться мне было не по рангу, – он плеснул коньяку, – но, если шеф был в офисе, мы всегда что-то обсуждали.

– Джаз?

– У тебя на всех такое досье?

– Если нужно...

Они чокнулись. Хороший коньяк всегда помогал в разговоре.

– Орлов поднялся в девяностые? – между делом поинтересовалась дама, отыскивая взглядом тонко нарезанные ломтики сыра с большими дырками.

– Я пришел в «Паленке», когда у них было всего три магазина, а начинал он с кооператива какой-то электроники.

– Лихое было время?

– Да... Кроме торговли у предпринимателей был «второй фронт», но Орлов везде успевал. Как-то я сам попал на его терки с «солнцевскими», – художник отложил вилку. – Мы с шефом обсуждали новый интерьер мебельного отдела в торговом центре на Профсоюзной, когда прибежал перепуганный охранник. Граблями размахивает, а сказать ничего не может. Орлов на парковку, а там десяток джипов с братвой. Настоящий десант. Шеф спросил старшего. Вышел качок с центнер. Так он его своим животиком к бамперу придавил и что-то шепнул на ушко. Пока тот по мобильнику с кем-то трепался, мы вдвоем стояли без охраны. Я чуть анализы не сдал. Наши минут через пять прилетели. С генералом во главе. Тогда нашим ЧОП-ом охраны отставной «ГБ-шный» генерал заправлял. «Солнцевские» свернулись в три секунды.

– Тогда за героя!

– Не ерничай. Это я к тому, каким был Орлов. Его только завалить можно, но не запугать... Ну, вот и накаркал.

– Значит, его уважали?

– Было за что... Хотя, за всех не скажу. Характер у него тяжелый был, что не так, мог сразу выгнать. Помнится один «топ» из «Электроники» не доработал в первый день и до обеда.

– Да, ладно...

– Зуб даю. Он решил «прописаться» в первый же день. Ну, хотел, как лучше... У нас тогда департамент «Электроники» на четвертом этаже был. Мужик не стал вникать в особенности компании, и начал названивать «топам» по справочнику и звать «на симпозиум»... Звонит Генеральному «ДОФИН»...

– Дофин – это наследник престола во Франции, – удивилась Дина.

– Нет. «ДОФИН» – это сокращенно «Дмитрий Орлов Финанс». Была такая фирма в Холдинге «Паленке», которая являлась реальным собственником всего имущества и контролировала все финансовые потоки. Генеральные директора менялись, а фактический владелец был один – Орлов.

– О как!

– Так вот. Звонит новенький «топ»

Генеральному на второй этаж, в ВИП-зону, а у того в кабинете что-то обсуждали с Орловым. Трубку берет Дмитрий Николаевич (он любил прикалываться), выслушал и говорит:

– Так я сейчас поднимусь.

– И?

– Поздравил новенького с досрочным окончанием испытательного срока и при нем позвонил в отдел кадров, чтобы до обеда оформили увольнение.

– Прямо как в анекдоте: расстрелять до обеда, а обед отдать детям.

– Ты из ЧК, что ли? – мигом протрезвел Пика.

– Нет. У меня сугубо коммерческий интерес.

– Если ко мне, то кроме чужого халата и старых джинсов ничего нет.

– Сава-Сава... В наше время ценится точная информация и особые навыки.

– Твой портрет за полчаса нарисую, а номера счетов или коды кредиток Орлова никогда не знал.

– Объясняю, – женщина с карими глазами строго взглянула на бывшего зэка. – Когда Орлов уехал на ПМЖ в Англию, суммарная площадь его магазинов и торговых центров составляли более ста тысяч квадратных метров. Заметь, все были в собственности. Семь лет назад их общая стоимость оценивалась от одного до полутора миллиардов долларов США!

– Он был не из тех, кто кинулся бы покупать замки в Шотландии.

– Верно. Орлов передал свою собственность в оперативное управление компании «ИНФАНТ», руководил которой бывший сотрудник «Паленке» Васильков.

– Помню такого. Был замом в «Паризьен». Судя по тому, что он работал долго, Орлов ему доверял.

– Пару лет назад Васильков с какой-то целью реоформил все сдаваемые в аренду площади в собственность офшорной компании Crazy Dazy International Limited в Гонконге.

– На сколько я помню, Орлов всегда прятал недвижимость в какую-нибудь неприметную фирму, и все сдавал в аренду торговым площадкам своего Холдинга. Это был его личный доход, а «Паленке» была верхушкой айсберга. На виду у покупателей, налоговиков, бандитов и конкурентов.

– Crazy Dazy приносила ежемесячный доход более восьми «лимонов».

– Если цифры верные, то выходило чистыми семь с половиной в месяц, девяносто в год или девять процентов годовых с «ярда».

– Быстро считаешь...

– Орлов никогда не складывал пиастры в сундучок, он был мастак придумывать идеальные денежные машинки... Интересно, сколько наши банки сегодня дают на такой депозит.

– Если рисковать, то около двух процентов годовых, Сбербанк даст чуть больше одного, а в Европе полпроцента поискать придется.

– Значит эта «машинка» многим не давала покоя. Имея стартовый капитал, можно сляпать «жигуленку», а тут целый «Феррари». К ней разные ручонки тянулись. Хотя бы отщипнуть. Орлов не прогнулся, вот его и убрали... Интересно, зачем он вернулся в Москву. Пугала перспектива повторить судьбу Березовского?

– Нет. Прошлым летом вдруг выяснилось, что вся столичная недвижимость была переоформлена с компании Crazy Dazy в собственность кипрской офшорной компании Circe, собственником которой был господин Джонсон с Соломоновых островов.

– Думаю, это не инициатива Василькова. Если Орлов доверил ему оперативное управление своими активами, то он его держал очень крепко, и Васильков никогда бы не рискнул.

– Уверен? – засомневалась Дина.

– Просто нужно было знать Дмитрия Николаевича. Здесь что-то другое.

В задумчивости Пика взял со стола приглянувшуюся тарелку и стал методично ее освобождать. Женщина снисходительно улыбнулась и пододвинула к нему еще одну. Бывший эк не заметил иронии, быстро поглощая давно забытую пищу. Дина отщипнула виноградинку и, чтобы не отвлекать его от приятного процесса, ненавязчиво продолжила.

– Есть информация, что Орлов мог срочно перепрятать свою собственность из-за бракоразводного процесса в Лондоне. Ты будешь смеяться, но к тому времени открылось, что его вторая жена, через своих адвокатов, втайне уже провела бракоразводный процесс в Москве. Орлов потерял несколько столичных квартир, шикарный особняк на Рублевке, какие-то незначительные сбережения...

– Он не знал о том, что его развели?

– В обоих смыслах этого слова, – женщина откинулась на подушки кухонного дивана и гордо закинула ногу на ногу. У нее были красивые карие глаза.

– У меня такое впечатление, что ты к этому приложила руку, – Пика пристально посмотрел в глаза женщине с короткой стрижкой.

– Нет. Я просто порадовалась за умную жену, которая смогла хоть как-то наказать олигарха.

– Если вспомнить, что в том же Лондоне жена бывшего губернатора Чукотки отсудила у него почти половину из честно заработанных в России 11 «ярдов», то можно объяснить такие экстренные меры Дмитрия Николаевича. У него был особый нюх на деньги и все, что с ними связано. Многие сотрудники называли его «Великий Орлов»... Вот с Екатериной ему не повезло.

– Слушай, почему ты его все время оправдываешь? – вспыхнула женщина с карими глазами.

– Тебе не кажется, что мы похожи на ворчливых супругов, проживших лет тридцать вместе? – искренне рассмеялся Пика.

– Набиваешься в родственники?

– Нет. Просто хороший коньяк это призма времени.

– Не припомню автора этой цитаты, – на ее идеальном лбе мелькнула морщинка.

– Дарю, – и он щедро плеснул в рюмки. – Так что решил высокий суд в Лондоне?

– А ты как думаешь?

– Адвокаты несчастной супруги доказательств суду предоставить не смогли, а вот причины могло быть две. Орлов всех обыграл или его кто-то умело направил в хорошо подготовленную ловушку. Если глубоко разобраться в психологическом портрете клиента...

– Можно играть с ним, опережая на несколько ходов.

– Тогда у меня вопрос, – Пика прищурился, – Васильков жив?

– Он уехал из России прошлым летом.

- Уехал до возвращения Дмитрия Николаевича или после?
- Точно не знаю... – Дина чуть отвела взгляд и поправила прическу. – Возможно, после.
- Тогда точно это сделал не Василек.

Они помолчали, с удивлением заметив, что за окном спустились сумерки. Дина не стала зажигать на кухне свет, а достала две витые красные свечи. Сразу стало уютнее. Молчать долго художник не мог, ему очень хотелось разобраться в странной ситуации.

– Я не понимаю, – Пика резко отстранился от стола, – для кого устроили сегодняшнюю показуху. Если это месть за непослушание или успешно проведенную Орловым операцию на опережение, то в любом случае собственником остался прежний хозяин всего добра «Паленке». Тогда организовали бы аварию на скользкой дороге с грузовиком, и дело с концом. Зачем так шуметь и рисковать? Менты теперь землю рыть будут, на них репортеры и начальство навалится со всех сторон.

– Сав, а мне нравится твоя логика, – она подняла рюмочку с заигравшим при свечах темно-красным напитком. – Какова версия?

– Обывателю усиленно намекают на каких-то диких бандитов из лихих девяностых. Всю машину изрешетили из «калаша». С двух метров. Водила сидел за несчастным Орловым, и ни царапины. Так мог сработать только профи. А зачем ему подставляться? Стало быть, заказ был именно такой.

– И какая цель?

– Шумихой обычно отвлекают от главного. Возможно, цейтнот. Кто-то близко подобрался. Вот и пытаются сбить со следа, подставить кого-нибудь...

– Стоп! – Дина подняла указательный пальчик с маникюром темного лака. – А, ведь, ты прав. О панамской Cigse стало известно случайно. В прошлом августе наш ЦБ отозвал лицензию у банка «Столичный гарант», где были счета «ИНФАНТ», через которые Васильков работал с Crazy Dazy и клиентами. Ему пришлось открывать счета в новом банке. При оформлении документов он узнал, что владелец московской собственности поменялся. Якобы Орлов переоформил все сертификаты своей недвижимости на господина Джонсона из Соломоновых островов. При этом акции «Дэзи» оказались у владельца офшорной компании Cigse на Кипре. Цена сделки десять тысяч долларов. Налог и пошлина оплачены. По просьбе нового владельца, Crazy Dazy продолжила выполнять только переадресацию финансов и отчетности. За небольшую сумму. Никого не смутил то факт, что актив, приносящий ежемесячно не менее семи «лимонов» продан за десять штук. Все выполнено согласно добровольному желанию участников сделки и оформлено строго по закону.

– И фотография господина Джонсона в договоре отсутствует. Только подпись.

– Ты зна-ал... – пропела ангельским голосом женщина с карими глазами.

– Меня смущает тот факт, что у Орлова был свой банк в рамках Холдинга. Через «Багра-тион» проводились все расчеты с торговыми площадками «Паленке», зарубежными офисами, финансировались закупки на склады, велись расчеты с персоналом через его пластиковые корточки... Он его что, тоже продал?

– Ты знал... – повторила женщина с короткой стрижкой.

– Тогда этот рейдерский захват очень похож на месть разъяренной жены, оставленной без половины от миллиарда долларов, которую ей должен был бы присудить Лондонский суд... Рискну предположить, что Орлов примчался в Москву по вызову Василька, сразу после того, как тот узнал о сделке с господином Джонсоном.

– Точной даты приезда не знаю.

– Уверен, что так и было. Потом Дмитрий Николаевич устроил публичную порку всем менеджерам «ИНФАНТ» и выгнал без выходного пособия. Во главе с Васильком.

– Добавлю, только, что была создана новая фирма «ОРЕОЛ», объявившая, что будет бороться за возврат собственности Орлова, так как считает себя правопреемницей «Паленке».

Ее адвокаты начали стучать во все двери и звонить во все колокола, пытаясь доказать незаконность сделки с новым владельцем недвижимости. Орлов приказал восстанавливать документы на собственность, и улетел в Лондон.

– Сдается мне, что это еще не конец истории, – увлеченный Сава неаккуратно наполнил рюмочки.

– Представь себе, что не прошло и месяца, как в офис «ОРЕОЛ» нагрянул ОМОН с группой следователей из Чечни. Оказывается, в одном из схронов боевиков вместе со складом оружия и взрывчатки обнаружили документ, подтверждающий факт финансирования фирмой «ОРЕОЛ» незаконных бандформирований. Бланк и печать были подлинными. Согласно постановлению прокуратуры, изъяли всю документацию и опросили сотрудников.

– Но ничего не нашли.

– Не подсказывай, – она заискивающе улыбнулась. – Лучше подумай, куда Орлов мог спрятать бумаги, ведь они ему теперь ни к чему.

– Так во-от зачем я здесь... И тебе не дает покоя «золото Паленке».

Портрет

Пика просыпался тяжело, словно выбирался из глубокой черной ямы. Вновь и вновь заставлял себя карабкаться вверх к свету, и опять соскальзывал. Привычка просыпаться по строгому расписанию зоны прочно засела где-то в подкорке, но тело не слушалось. Разомлевшее от делового ланча, перешедшего в романтический ужин, оно цеплялось за любую мелочь, убеждая сознание остаться в том блаженном состоянии, когда можно бесконечно наслаждаться свободой, вкусной едой и соблазнами красивого женского тела. Всю дорогу из Красноярской тайги бывший зэк строил планы возвращения к позабытой прежней жизни, но все варианты разом рухнули от встречи с Диной. Простые инстинкты легко преодолели сопротивление разума, задвинув в какой-то дальний угол казавшиеся теперь наивными проекты по поводу новой жизни.

Какой-то наглый голос в сознании посмеивался над робкими попытками проанализировать ситуацию, расставить акценты, наметить план действий. Этот голос напоминал уверенные интонации авторитета по кличке Хан. Они были просты и очень логичны, потому казались единственной правдой жизни: «Живи сейчас, бери лучшее, читай знаки»

Наверное, поэтому Хана все признавали лидером. Он подчинял себе окружающих не столько физической силой, которая ощущалась в каждом его движении, сколько изнутри, точно угадывая проблемы собеседника, тут же давая им четкое определение и дельный совет. Он помогал ответить на самые важные вопросы, терзающие душу, или наладить нелегкий быт в лагерной зоне, затерянной в глухой тайге.

– Не надейся, что тебя там ждут, – напутствовал он Пика на прощание. – Не строй иллюзий, что ты кому-то нужен. Живи сам, читай знаки и прикуп будет в масть.

С этим трудно было спорить, а, скорее, просто не хотелось. Было острое желание впитывать в себя удовольствия, которых ты был лишен целых девять лет. Сознание того, что за окном спит, утонув по колено в снегу, яблоневоый сад, и ты, если захочешь, можешь в любой момент выскочить на крыльцо и пробежать по этому нетронутому снегу. Никто не окликнет, не вскинет автомат, не выстрелит в спину. Сознание того, что это можно сделать сколько угодно раз, и рождало ощущение свободы. Пьянящей и поглощающей все мысли о чем-то ином.

Незнакомый запах женщины еще остался в смятых простынях, и можно было перекачаться на ту половину широкой кровати, где она еще недавно спала. Обнаженная, доступная и фантастически притягательная. Даже в ее отсутствие нечто витало рядом. В такие минуты верилось, что эзотерики не зря говорят о ментальном или астральном телах человека. Они не покидают обоих после близости, ибо духовное выше физического. Просто об этом мало кто рассуждает. Наши иные тела тонкого плана можно еще долго ощущать, но это доступно тем, кто не торопится.

Неожиданно возникло желание проверить холодильник. О, это было привилегией только свободного человека, и Сава решил немедленно проверить, доступно ли это ему. Он резко вскочил с кровати, отметив про себя, что еще по привычке наклоняет голову, чтобы не зацепить верхние нары. Это показалось таким забавным, что бывший зэк рассмеялся. Не став искать халат, наспех брошенный где-то вчера, он голышом прошлепал босиком на кухню.

Чудо цивилизации тихонько заурчало, едва Пика открыл пухлую белую дверь. На внутренней стенке булькнула минералка. Ее живительная влага скользнула внутрь, принося удивительное наслаждение. Тарелки с остатками вчерашнего пиршества были аккуратно накрыты и расставлены стопочками заботливой женской рукой. Бывший зэк жадно открывал каждую и что-то отправлял в рот. Совершенно по-детски радуясь тому, что он вправе сделать это сколько угодно раз, не контролируя, что или кто находится за спиной.

– Боже, какое счастье! – мелькнуло в сознании бывшего художника. – Живи сейчас, бери лучшее, читай знаки...

Вот она долгожданная свобода. От этой мысли хотелось кататься по полу и поскуливать от охватившего чувства, названия которому так никто и не придумал, ибо правильно сформулировать смог бы только тот, кто девять лет ни за что, ни про что, чалился на зоне в глухой тайге Красноярского края.

Неожиданный звук вырвал Пика из состояния эйфории. Незнакомая мелодия вызова сотового телефона была настойчивой. На тумбочке у кровати на большом экране блестящего аппарата подмигивали цифры номера входящего звонка.

– А-алле, – он вдруг расхохотался от промелькнувшей мысли.

– Ты чего там? – непривычный «электронный» тембр голоса Дины оборвал его смех.

– Да... Вспомнилась сценка из фильма про Ивана Васильевича, где он впервые увидел магнитофон. Вот я примерно также стоял и смотрел на этот экран... Это был твой номер?

– Мой... Извини, если разбудила. Часа через два приеду. Хотела спросить, тебе рыбу приготовить или мясо?

– И то, и другое! – опять рассмеялся он.

– Сав, ты что, уже принял с утра?

– А можно? – он опять рассмеялся.

– Будешь баловаться, заставлю мыть посуду.

– Я ее начисто вылижу, – он не мог сдержать накотившей на него идиотской радости. – Чисто-пречисто. Чес-с-с слово!

– Ладно, – было слышно, как она тоже рассмеялась, – только дачу не спали.

Пика застыл над туркой, наблюдая за процессом. Шапка свежемолотого кофе медленно погружалась в готовую закипеть воду. Приближался момент истины. Когда на темном фоне начало разрастаться светлое пятнышко пенки из мелких пузырьков, он перестал дышать, чтобы не вмешаться в предсказание. Через пару секунд картинка сложилась. Художник сразу догадался. Это был силуэт детской головки с волосами, стянутыми хвостиком на затылке... Полинка!

Дочка была единственной ниточкой, связывающей бывшего зэка с тем, ушедшим в прошлое миром. Даже не ниточкой, а тоненьким едва приметным волоском. Еще не оборванным окончательно. На зоне он обычно гнал прочь мысли о Полинке-пылинке, чтобы от бессилия и злобы не поставить точку, ибо ничто реальное их уже не связывало. А теперь вдруг те далекие годы явственно возникли из глубин памяти, растревожив его душу....

Он вырос в маленькой деревушке под Смоленском, где и школы-то не было. Ходил до десятого класса стремя погодками в соседнюю Ручьевку. Все свободное время что-то рисовал, заполняя одиночество работай над пейзажами и портретами. Постепенно детское увлечение стало смыслом его жизни. Родители рано погибли. Дед заменил и отца, и мать, но рассказывал о них мало, только повторял:

– Жили всегда вместе и ушли вместе. Судьба...

Сава с детства любил закаты. Прощание со светилом всегда наполняло его размышлениями о главном в жизни. Он забывал обо всем, погружаясь в какое-то гипнотическое состояние, впитывая последние лучи солнца. Не то, чтобы это всегда были мысли о смерти. Нет. Просто в этот момент он не мог думать о чем-то поверхностном. Тонкая грань перехода из светлого мира в темный была подобием портала в мир иллюзий. Частенько именно так в его душе рождались замыслы новых картин.

Он оказался в Суриковском сразу после окончания Ручьевской школы, и первое время никак не мог обрести в шумной столице то душевное равновесие, без которого писать что-то

стоящее немислимо. Благо, ему везло на хороших учителей. То ли он находил их, то ли они высматривали пытливый взгляд собрата в толпе, но так было всегда. Константиныч, как первокурсники звали своего преподавателя классической живописи, почувствовал это смятение и отпустил пацана на натуру вне плана. Так Сава открыл для себя Петрицу. Случай или судьба привели его на берег тихой речки Подмоскovie, но в тот день появилась четкая уверенность, что когда-нибудь у него здесь будет свой дом.

Неожиданно для себя уверовав в свой талант, стал одним из первых учеников. Потом – знакомство с однокурсницей Машенькой. Их бурный роман. Противостояние семьи столичного профессора, растившей умницу-красавицу не для какого-то аборигена. Их тайный брак и мытарства по обшарпанным съемным квартирам. Ее самопожертвование и его гениальные картины. Вечный поиск денег на холсты, краски и выставки. Вопрос пятилетней Поленки к папе – «Мы что, нищие?» был последней каплей. Они развелись. Маша с Полинкой ушли к теще, куда дорога для подающего надежды художника была заказана.

Потянулись серые будни полные одиночества и безденежья, но, однажды утром, заваривая кофе, Сава увидел знак пирамиды «Змеиногорского города» майя. В тот день его приняли на испытательный срок в «Паленке». И все закрутилось! Интересные проекты, работа до одури, хорошие деньги, командировки, недельные отпуска в Европу. Он даже построил свой дом на берегу маленькой речушки со смешным названием Петрица. Было все, о чем мог бы мечтать любой молодой художник без родственников и связей в Москве. Не было только семьи. Сава скучал по дочке, и еще больше погружался в работу, чтобы заглушить эту боль.

Потом случилась странная история – Орлов срочно улетел в Лондон. Ходили слухи что ему угрожали. Руководство холдингом временно перешло к одному из Генеральных. Он пытался играть роль шефа, но безуспешно. Жизнь в «Паленке» резко замерла, и каждый стал потихоньку заниматься своим делом. Сава взял отпуск, собрал свои картины и устроил выставку, окунувшись на пару недель в то удивительное время, когда можно думать только о живописи... Тогда-то и произошло еще одно событие.

Уже неделю он ночевал не в съемной столичной квартире, а в своем доме на Петрице, что обычно бывало крайне редко. Сава любовался закатами над речкой и думал о новых картинах. Строил планы и наслаждался жизнью свободного художника. Однажды за утренним кофейным ритуалом пришел знак.

Детский профиль с волосами, затянутыми в узел на затылке.

Вечером назойливый звонок сотового телефона распугал все мысли о новой картине:

– Алле, – недовольно буркнул Сава.

– Извини, если не вовремя, – после некоторой паузы прозвучало в ответ.

– Маша?

– Спасибо что узнал, – в ее голосе чувствовалось волнение. – Смотришь на закат?

– Д-да, – он машинально махнул рукой, словно отгоняя наваждение. – Что-то случилось? Полина?

– Успокойся, Скворцов, – небольшая пауза подсказывала, что собеседница курит. – Бывшие жены иногда звонят просто так.

Она что-то хотела еще сказать, но сдержалась. В наступившей тишине был слышен шум города за окном, который словно говорил, что жизнь никогда не останавливается и течет сама по себе. Как вода в спокойной Петрице.

– Смотришь на свой любимый закат? – он почувствовал ее грустную улыбку.

– Да.

– Скворцов, ты так и не научился разговаривать с женщинами, – вспыхнула, было, собеседница, но сдержалась от дальнейших нравоучений. – Мы с Полей были на твоей выставке. Вот, собственно, почему и звоню.

– И как? – едва выдавил он из себя.

– Хорошо. Ты не изменил себе. Все такой же романтик.

Они помолчали. И чем дольше затягивалась пауза, тем томительнее она казалась.

– Я видела ее, – не сдержалась и первой нарушила молчание женщина.

– Кого? – он попытался сделать вид, что не понимает о чем речь.

– «Девушку на пляже»...

У него перехватило дыхание. Картина «Девушка на пляже» была любимой работой Савы, он написал ее по памяти о их последней поездке на берег Петрицы. Они еще любили друг друга, но понимали, что разлука неизбежна. Это был день прощания. Они расставались со своей любовью, со всем, что связывало их шесть лет. Очевидно оба подарили тогда друг другу-осталась без самые искренние и нежные слова и ласки. Все это он выразил в картине «Девушка на пляже», и зрители подсознательно воспринимали это, не зная всей истории.

– Ты знаешь, – ее голос донесся, словно из прошлого, – Полина узнала меня на этой картине. Сразу. Едва увидела ее на выставке. Я ей никогда не рассказывала о нашем последнем дне на пляже, но она почувствовала. Потом всю ночь ребенок рыдал у себя в комнате и никого не подпускал к себе. А утром, когда муж уехал на работу, подошла ко мне и так нежно обняла, что у меня слезы навернулись. Я и не заметила, как она выросла. Мы долго стояли с ней обнявшись у окна. Потом она мне и шепчет:

– Тебя так никто не будет любить, как папа...

Потом они помолчали вдвоем, каждый по-своему вспоминая утерянное. Сава уловил намеков на трудности во втором браке, но развивать тему не стал. В одну речку, нельзя войти дважды. За два года, прошедших после развода, он лишь несколько раз виделся с дочкой. Теща стояла насмерть, заградив своим мощным телом путь к «несчастной внучке от этого абorigена», и было ясно, как день, что никакая сила не сможет изменить отношение родителей к прибывшему в столицу из Козыревки.

Прошел еще год, и в один пасмурный день его арестовали на съемной квартире. Предъявили обвинение в убийстве бывшей жены. Как он ни брыкался, суд вынес строгий приговор. Учитывая, что преступление совершено впервые и есть положительные характеристики, Сава загремел не на всю пятнашку, а «только» на девять лет.

Позже, обсуждая случившееся с Ханом на зоне, Сава открыл для себя, что страна за двадцать лет перестроилась и стала жить по закону «человек человеку волк». Социальная справедливость и всеобщее братство осталось где-то в школьном прошлом. Все покупалось и продавалось, все стало платной услугой. Кучка беспринципных людей с двойным гражданством реализовала свои политические амбиции, дорвавшись до власти. Как всегда, чужими руками. Даже на зоне немалая часть осужденных разделила его судьбу. Возможно, когда-нибудь Сава сможет узнать, кто и зачем подставил его, но Хан сразу заявил, что в его истории замешаны деньги и столичная квартира родителей убитой Маши. К бабке не ходи.

Где и как воспитывалась Полинка после убийства ее матери, Сава так и не узнал. Все его письма вернулись в колонию с надписью «адресат выбыл». Сейчас дочке должно быть восемнадцать. Кто он ей теперь? Единственное письмо, которое художник получил на зоне, было от соседа по дому на Петрице. На его даче был пожар. Заключение полиции было коротким – бомжи залезли в пустой дом и были неосторожны с огнем. Все сгорело дотла. Сейчас никто и слушать его не станет по этому поводу. Выходит, что в той жизни от него не осталось даже воспоминаний, только «дела» в каком-нибудь архиве.

Нетронутая турка с давно остывшим кофе и пустая чашечка белого фарфора были безмолвными свидетелями размышлений Савы Скворцова, сидевшего в чужом халате уютной дачи женщины с короткой прической и умным взглядом. Вчерашнее событие уравнило их судьбы с Орловым. Они оба теперь ничего не значат в этой жизни. Странно, но Сава как-то по-особенному относился к Дмитрию Николаевичу. Они не были в дружеских отношениях, но

многие его слова и дела воспринимались, как наставления. Да и Хан, при всей сложности их отношений тоже как-то по-отечески опекал бывшего художника. Возможно, судьба подобным образом компенсировала пацану из Козыревки потерю родителей в раннем детстве.

Вылить остывший кофе, который показал ему контур детского профиля с волосами, затянутыми в узел на затылке, Пика не посмел. Перелил его в чашку побольше и стал прохаживаться по комнатам. Кроме кухни и спальни он еще нигде не был. На первом этаже нашлась большая гостиная и кабинет с библиотекой во всю стену. На втором этаже располагалась вторая спальня поменьше и комната, вполне подходившая для детской, но пустая. Сава вернулся в кабинет, где на солидном дубовом столе заметил фотографию пожилого мужчины среди березок. Снимок был явно старый, но в новой дорогой рамке. Лицо мужчины бывшему художнику понравилось. Что-то в нем было привлекательное. Несколько минут Пика разглядывал его и понял, что борется с желанием нарисовать портрет с этой фотографии. Так у него иногда бывало. Только, вот, на зоне раздобыть хорошую бумагу и карандаш стоило соответствующих услуг. Там царил бартер, а тут, словно нарочно, на столешнице лежала стопка финской бумаги, а в приборе для писем отточенные карандаши.

Сава отбросил все сомнения и примостился у окна. Скромное полуденное зимнее солнце не давало тени и не напрягало зрение. Увесистая книга в глянцевого твердом переплете стала мольбертом. Изголодавшиеся пальцы сами принялись за дело. Через какое-то время он погрузился в работу настолько, что забыл где он и как сюда попал. В такие минуты автору казалось, что он общается с моделью. У Сава и прежде такое случалось. Окружающий мир вдруг исчезал, а каждый штрих карандаша придавал рисунку такие черты, что портрет оживал для художника. Руки сами что-то добавляли, и он начинал то ли слышать, то ли считывать информацию с листа.

Еще в Суриковском профессор, которого они уважительно называли меж собою Константиныч, иногда упоминал на лекциях о таком родстве душ автора и модели. В клубе йоги он тоже увлекался методикой развития внимания и восприятия, что позволяло лучше вникать в особенности характера при работе над портретом. Смешно вспомнить, но в библиотеке на зоне он нашел труды по психотехникам, опубликованным в двадцатых годах прошлого века, когда многие в голодной стране Советов увлекались эзотерикой и потусторонним. Как и когда эти книги попали в ту библиотеку и почему сохранились, осталось загадкой, но Сава их с интересом не то что прочитал – проштудировал. Времени пробовать и оттачивать, описанные неизвестными авторами упражнения и методы, у Пики было предостаточно.

– Забавно... – Сава вздрогнул от прозвучавшей в голове фразы.

– Хороший коньяк нужно пить осторожно, – подумалось бывшему эку, – а то привидится черт знает что.

– Давненько я не брал в руки шашки, – не скрывая иронии произнес тот же незнакомый голос.

– Я не играю в шашки, – на всякий случай подумал Сава.

– Это я к слову... Шалю значит... А, вот, коньяк давненько ни с кем не обсуждал.

Пика не проронил ни слова, стараясь понять, что происходит.

– Чего замолк-то? – обиделся голос. – Плесни коньячку, да обсудим. Мне врачи запретили употреблять, а поговорить можно.

Художник аккуратно положил почти законченный портрет и пошел на кухню. В абсолютной тишине налил рюмочку коньяку. Посомневавшись немного, нарезал тонкими ломтиками лимончик и достал блюдечко с остатками салями. Все поставил на поднос. Получилось аппетитно. Пока возвращался в кабинет даже сглотнул. Широкий подоконник словно специально был сделан для такого случая. Примостив на него поднос, Пика принялся дорисовывать портрет. Прислушался. Тишина...

– Глюки, – подумал он и улыбнулся.

– Ну, не томи, брат, – все тот же голос напомнил о просьбе.

Автор, не выпуская карандаш, осторожно взял рюмочку, чокнулся с портретом и пригубил.

– Хеннеси? – почти нараспев, с нескрываемым удовольствием прошептал голос.

– Точно, – Сава для верности кивнул и закусил сначала лимончиком, а затем салями.

– Давай до дна! Это брат, дорогого стоит. Только не бросай рисовать, а то пропадаешь...

Еще несколько раз бывший зэк бегал к холодильнику за боеприпасами, пока в голове не зашумело. Сначала посторонний голос стал невнятным, а затем и вовсе пропал. Портрет был закончен, и в кабинете стало как-то одиноко. Сава поставил все на место и вернулся на кухню. Спрятать куда-нибудь свою работу, было как-то совестно, и он примостил портрету телевизора. Оценивающе присмотрелся. Получилось неплохо.

– М-да, давненько я не брался за карандаш, – с удовольствием подумал автор.

Никто не ответил. Только пожилой мужчина загадочно улыбался краешками губ, зная, что его разглядывают.

– И вот что интересно, – неожиданно для себя вслух произнес автор. – У меня было такое пару раз, но я списал это на чрезмерное напряжение. Когда за день намаешься, под утро и не такое случиться может.

– Это ты о женщине? – в дверях улыбалась Дина. – С этого места поподробнее.

– Слушай, ты где пропадаешь, – как ни в чем не бывало затараторил Сава, – есть хочется... Я давно круги около холодильника нарезаю. Спрашиваю его, а он молчит, как партизан.

– Мог бы и позвонить мне, – подсказала женщина с короткой стрижкой.

– Извини, я еще не адаптировался... У нас там эти штуки не работали. Проще было дойти до кого-то и спросить.

– А что это у нас коньячком пахнет? – она укоризненно покачала головой. – Я с мороза еще в прихожей заметила.

– Так это за упокой души, – быстро соврал Пика. – Орлов любил пропустить по рюмочке. У него в ВИП-зоне кухня приличная была, всегда официант и повар дежурили... Пусть земля ему будет пухом.

– Ладно, находчивый ты, наш, – строгий взгляд окинул бывшего зэка. – Пора отвыкать от халата.

Умелые женские руки быстро собрали на стол, поставили что-то вкусное разогреваться. Жизнь заполнила кухню новыми запахами и разговорами. Вскоре появился Сава, смущенно разглаживая на себе новенькие джинсы и рубашку.

– Угадала с размером? Ну-ка повернись. На человека стал похож. Руки мыть и за стол.

Саве стало как-то легко и уютно в этом доме, словно он бывал тут сотни раз, а хозяйка замечает его не первый год.

– За тебя! – он решил на тост. – Спасибо за подарки. Мне очень приятно.

– Ух, ты... – Дина только сейчас заметила портрет, сев на диван, аккуратно напротив него. – Твоя работа?

– Извини, я наткнулся на портрет Игоря Михалыча в кабинете и не удержался.

Женщина с короткой стрижкой промолчала, подняв на художника удивленный взгляд.

– Если не нравится, я порву, – вскинулся Сава, но она жестом остановила его. – Н-не очень получилось... Да?

– Откуда ты знаешь его имя?

– На обороте написано.

– Не ври. Нет там никакой надписи. Я сама в фотоателье заказывала эту копию со старой фотографии.

– Значит, догадался... Ему такое имя очень подходит. По внешности.

– Пика, не лепи горбатого. Ты что копался в столе? Впрочем, там никаких писем нет.

Они ели молча, искоса поглядывая друг на друга. Первым не выдержал Пика. Он скорчил плаксивую рожицу и стал скрести ногтем по скатерти, приговаривая:

– Прости меня, Диночка. Прости великодушно. Я книжки полистал и догадался. Хотел сюрприз тебе сделать, но неуклюжий я.

Вечно все порчу.

Она упорно молчала, не поддаваясь на такую уловку.

– Я всю посуду уберу. Вымою. Вылижу. До блеска. Аккуратно. Ничего не разобью. Я отработаю. Чес-с-с слово!

– До блеска? – она подняла на него красивые карие глаза.

– Я мигом, – Пика кинулся, было, собирать тарелки.

– Да я не о посуде, балда...

В нависшей тишине бывшему зэку казалось, что над ним посмеивается даже портрет.

Халиф

Сава отметил, что опять спал, как младенец и не слышал, когда ушла Дина. Впрочем, эта мысль промелькнула, не оставив следа. Другое не давало покоя. Обычно знаки в его жизни не появлялись случайно, но вчерашний образ девочки с косичкой на затылке остался без продолжения. Сколько Пика ни перебирал в памяти прошедший день, ничто, кроме воспоминаний не вязалось с образом Полинки, который он разглядел за утренним кофе. Похоже, девятилетний перерыв в такой практике играет определяющую роль. Резюме было коротким – возобновить и укрепить традицию.

Ручная кофемолка монотонно шуршала, иногда похрустывая кофейными зернами.

Художник понимал, что интерьер кухни, заснеженные яблоньки за окном, эта кофемолка и многое другое, так незаметно создающее уют на этой даче, придумано одним умным человеком. То ли его профессия, то ли хобби были связаны с долгими и глубокими размышлениями. Все здесь располагает именно к такому труду. А это труд – собирать и анализировать информацию. В век интернета только кажется, что нет ничего проще, как задать вопрос и тут же получить на него ответ. Скорее всего обманут. Принцип, известный у нас, как «геббельсовская пропаганда» – 60 процентов широко известной правды и 40 нужной лжи, был придуман задолго до Третьего Рейха.

Не случайно в прежние века требовался штат сотрудников, которые «рыли и перелопачивали» тысячи страниц, блистали красноречием и хорошими манерами на приемах, собирали сплетни и слухи на рынках, незаметно подглядывали и подслушивали, умели, не оставляя следов, вскрывать сургучные печати на письмах и депешах – и все только для того, чтобы собрать и просеять. Секретные службы искали уникальных кандидатов для подобной работы. Единственное нужное зернышко, найденное в куче мусора, могло влиять на ход истории.

Стоя с ручной кофемолкой в руках у окна на кухне, художник чувствовал себя именно в таком месте. Ничего не отвлекало, а только способствовало размышлениям. Электрической кофемолки тут просто не могло быть. Когда-то волею случая он оказался на берегу подмосковной речушки Петрица, где царил такой же покой и умиротворение. Обитель для творчества. Он мечтал построить там дом, писать, жить большой семьей, передать своему сыну все, чему научится сам... Не судьба. Зато кофе сейчас будет готов.

На этот раз в пенной шапке мелькнул контур то ли русской буквы «п» то ли английской «p», но, на глазах у бывшего художника, символ расплылся в пятно. Сава терялся в догадках. Интересно, почему некогда шуточная кофейная церемония вдруг стала такой значимой? Скорее всего оттого, что бывший зэк не понимал, что делает здесь сегодня и где окажется завтра. Дина не только умная женщина, задумавшая серьезное дело, она еще обладает либо хорошими средствами, либо связями, чтобы «выкупить» бывшего зэка, бывшего художника и бывшего сотрудника «Паленке». Сава пока не вычислил, какая из этих «профессий» ей нужна. Возможно, все вместе...

Крепкий и ароматный кофе располагал к размышлениям. Стоять с чашечкой у окна и прощупывать все штрихи и «царапинки» имеющихся фактов было приятно. Можно было бесконечно сосредотачивать свое внимание на почти черных от мороза и засыпанных снегом ветках яблони, чтобы углубляться в решение сложной задачи.

Знакомясь с работами специалистов по когнитивным процессам человека, он с удивлением открыл для себя утверждение исследователей, основанное на многочисленных экспериментах. Оказалось, что при решении сложной математической задачи задействовано гораздо меньше областей мозга, чем при бессмысленном времяпрепровождении, которое эзотерики называют «внутренним диалогом», а психологи «активацией зон дефолтных областей мозга». Парадокс заключается в том, что, отдыхая, мы загружаем свой мозг гораздо больше, нежели, когда

уходим с головой в решение какой-то сложной специальной задачи. Получалось, что мозг, постоянно отвлекаясь на рой самых разных и, порой не связанных бесполезных мыслей, которые самостоятельно возникают в сознании, перегружается и «перегревается». Причем впустую! Подобное противоречие у человека связано и с расходом энергии. На физическую работу, когда он потеет и валится без сил, он тратит меньше калорий, чем на поддержание стабильной температуры тела. Более того, только мозг, скрытый в черепной коробке, незаметно потребляет четверть чистой энергии человека. Причем все это независимо от того – таскает ли человек тяжести или пьет пиво перед телевизором.

Откуда это было известно йогам и эзотерикам тысячелетия назад, непонятно. Однако, они постоянно тренировали свой разум по специальным методикам только ради одного. Научиться отключать внутренний диалог. Именно эта, приобретаемая большим трудом способность, позволяет многократно повышать умственные способности обычного человека. У современных «айтишников» такой процесс называется «разгоном процессора».

И еще один интересный научный факт озадачил Пика в своих изысканиях на зоне. Оказалось, что до пяти лет ребенок использует не все способности мозга или, говоря языком психологов, когнитивные процессы. Познавая мир, он опирается в основном на внимание, восприятие и память. Мышление почти отсутствует. Именно поэтому замечательный герой Киплинга, Маугли, является чистой выдумкой. Если человека не научить говорить до пяти лет, он обречен всю оставшуюся жизнь общаться только на уровне животного. Это многократно проверенный научный факт. Важнейшая функция мозга – логическое мышление – должна развиваться извне. Принудительно. Основной целью школьного образования является именно такое развитие мышления, а не сумма каких-то фактов, дат, событий и прочее. Для этого есть справочники.

Неизвестные до той поры открытия и размышления не давали покоя Пике – кто и зачем приучает мозг человека постоянно заниматься пустой работой, обрекает его большую часть в активной жизни на бесполезную трескотню. Он даже рискнул однажды поделиться своими выводами с Ханом. К его великому удивлению криминальный авторитет, жестоко подавлявший любое посягательство на свою власть, охотно откликнулся и даже поделился своими соображениями на эту тему.

– Братан, ты, как мотылек, бьешься о стекло, за которым библиотека. Однако, недостаточно найти форточку и научиться читать, главное – правильно понимать написанное. Во все века хранители, называй их волхвы или шаманы, использовали не только «герметический» метод передачи сакральных знаний, но и образования. Обычным людям передавали навыки скотоводов, ремесленников, землепашцев, реже – кузнецов, еще реже – математиков. Во всех странах образование очень дорого, а хорошее образование доступно только избранным. Не стоит полагаться на систему грантов. Это обманка. Хозяева любой страны обеспокоены прежде всего сохранностью своих привилегий через власть. Египет, Китай, Персия, Греция, Рим, Англосаксы – под копирку. Они всегда воспитывали общество способное только на две функции – бездумного потребления и грабежа соседей. Отличие только в конфессиях. Я скопировал эту систему, и теперь у меня такая же маленькая империя.

Хан снисходительно окинул взглядом Пика.

– Говорю тебе это открыто, потому что такая система держится на силе, а ты мне не конкурент. Завалю в полтычка. Понимаю, что ты в состоянии проанализировать что-то и спросить «а почему, собственно». Ну, ты так устроен. Уважаю, но голову оторву.

Это был сильный и хитрый хищник. Цепкий ум и огромные клыки. Всегда опережал любое сопротивление, потому что держал под наблюдением окружение и разгадывал любой заговор.

– Именно поэтому в России, – Хан любил показать свою образованность, – последней стране, которая могла сопротивляться, сломали «совковое» образование и насильно внедрили

систему для индейских резерваций США. Таким, как я это на руку. Обыватели будут время от времени просыпаться и стенать – «караул, наших детей уродуют», но они бессильны перед системой. Уже воспитаны два поколения. Внешне они ничем не отличаются от способных мыслить, но это только «homo erectus». Не человек прямоходящий, а от слова эрекция. Им уже внушили, чтобы размножаться и жрать нужно слушаться.

– Хочешь сказать, что мир обречен? – попробовал возразить Сава.

Хан серьезно посмотрел ему в глаза, отчего у Пики возникло ощущение ужаса и показалось, что онемели ноги. Сколько времени продолжалось такое оцепенение зэк не знал. Когда он очнулся, то увидел перед собой улыбку победителя, прошептавшего ему любимую фразу:

«Живи сейчас, бери лучшее, читай знаки».

Вспоминая этот разговор на зоне, Сава сравнил Хана с Орловым. Они были похожи.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, бывший зэк включил телевизор. Поцелкав по каналам, с грустью выключил. Увиденное только подтвердило наглые слова авторитета. Его картины тут не нужны. Наверное, принимая каждый день по капле отравы, жители некогда прекрасной страны не заметили изменений. Только зэк, отсутствовавший девять долгих лет, увидел это сразу. Осталось узнать, кто и какую судьбу ему уготовил. Возможно, не стоит и цепляться за нее.

Он прошелся по комнатам. Везде порядок. Ключей от входной двери так и нет. В кабинете задержался. Портрет того, кто назвался при вчерашнем разговоре Игорем Михалычем, стоял на прежнем месте. Скорее всего это было его гнездышко. Интересно, кем он приходится Дине?

Через пару минут художник уже работал над новым портретом вчерашнего знакомого, только сюжет придумал иной. Солидный мужик в генеральской форме сидел за столом в большом кабинете под портретом Сталина и внимательно читал документ из пухлой папки, лежащей рядом. Постепенно его лицо приняло черты Игоря Михалыча, но помоложе. Генерал был сосредоточен, о чем говорили сдвинутые брови. Очевидно, содержимое докладной записки вызывало крайнюю озабоченность.

Он еще и еще раз вчитывался в текст, стараясь не упустить ни одной детали.

– Что-то серьезное? – осторожно подумал Сава, не отрываясь от рисунка.

– Третий источник сообщает глупость, – буркнул в ответ генерал.

– То, чего не может быть, – попробовал продолжить разговор бывший зэк.

– Они начали с нами радиоигру, но как-то топорно... Не хочется подключать резидента. Лучше проверить через коммерсантов. Этот народец продаст кого угодно, только цену дай. Ничего личного.

– Простите за назойливость, Игорь Михалыч, а Дина случайно не ваша дочь?

– Пора бы научиться складывать два и два. У тебя же все под носом. И время есть. Ты кто по профессии?

– Точно определить сложно. Был художником, потом дизайнером, затем зэком, нынче бомжик.

– Не скажу насчет дизайнера, а у художника должно быть волчье чутье. Сюжет выбрать, все расставить по местам с точностью до миллиметра, чтоб березки с осинами склонялись к девице, чтоб тоску-кручинушку Аленушки понимать, а каждый зритель хотел бы Серого Волка попросить о помощи. Тот согласится, конечно, но не сразу, иначе зритель быстренько к Бабе Яге перейдет. Нечисть, она всегда любопытство вызывает.

– Так и я о том, Михалыч. Я ж, как открытая книга – справка об освобождении и все. Просто белый лист. Страна изменилась так, что я многое не понимаю. Вон, меня на моторе из-под Красноярска доставили. Кормят-поят. Ублажают, простите.

– Ну, это дело молодое. Аль не глянулась, красавица? – стало понятно, что генерал нехотя отвлекся от своих важных дел.

– Дык, не по рангу мне, лагерной пыли.

– Не лукавь, братец. Догадался, ведь, что есть у тебя то, чего в других не сыскать, коль такого сотрудника к тебе приставили. Сладка ловушка-то, не оторваться. Многие через то спытались... Ну, а дочери у меня отродясь не было, иначе, она бы со мной на фотокарточке была. Чтобы без вопросов, понимаешь. Однако, старый генерал всегда в таких позах фотографировался, чтоб ни один спец чужую карточку рядом не вклеил бы. Ну, а тебе, как художнику (хоть и бывшему), стыдно этого не понять... Извини, дел невпроворот. Бывай!

Сава пролепетал слова благодарности, но строгий голос не ответил. Наступила тишина. Аудиенция закончилась. Жаль, с таким мужиком можно было бы долго говорить, он немало тайн знал, о которых и сейчас вранья и слухов хватает, а истина под печатью.

Автор чуть отстранился от своей работы, чтобы оценить. Получилось неплохо, даже жалко выкидывать. Лицо у генерала хорошее получилось. Умное. Спокойное. Таких теперь по тем кабинетам и не сыскать.

Пика нашел на кухне пепельницу и тонкие женские сигариллы. Поджег трубочкой свернутый рисунок и, в кои веки, закурил. Вернее, стал попыхивать, не затягиваясь. Ароматный запах дыма от «женского» табака наверняка замаскирует остальное.

Постоял под открытой форточкой на кухне. Только теперь обратил внимание, что она необычной формы – такая узкая и длинная, что и ребенок не протиснется. Стекла и переплет закреплены в стену намертво, такое впечатление, что пулеметную очередь выдержат. Промелькнула мысль, что тут, как за каменной стеной, но руку протяни – яблоневый сад. Там спокойно и тихо, похоже, и вороны не залетали. Январь снежный в этом году, вон, сколько навалило. Контрольно-следовая полоса что надо!

Намек генерала на то, что Сава ценный клиент не удивила. Понятно, что Дину и ее хозяйка интересует только золото «Паленке», но у бывшего зэка на тонкой шее не болтается ключик от сейфа или кулон с обрывком папиросной бумаги, где записан шифр кодового замка. Как дизайнер он часто общался с Орловым по оформлению интерьера торговых площадок холдинга. Иногда его привлекали к рекламным компаниям разных департаментов в качестве художника-оформителя. Бывало, Сава участвовал и в крупных проектах газеты, принадлежащей компании, когда в магазинах появлялась новая линейка товара. Однако все это не имело никакого отношения к механизмам управления и владения недвижимостью, которые сейчас интересовали разные организации в стране и, возможно, за ее пределами.

Непонятно откуда, но, возможно, его сегодняшние благодетели слышали байки о том, что у Савы такие реалистичные портреты получаются, что он общается с моделью. Дык, это известный прием – метод эмпатии. Сумеет художник вжиться во внутренний мир своего героя, все сложится. Другой вопрос, что у каждого хорошего портретиста свои «фенечки» в этом деле. О них не болтают, чтобы не сглазить. Вообще суеверия и примет у портретистов больше, чем у всех вместе взятых художников.

Связано с тем, что портретист должен уметь «заговорить» свою работу, иначе модель может умереть. Такие случаи известны: Столыпина застрелили на следующий день после окончания портрета, Пирогов и Мусоргский умерли на второй день после окончания их портретов Репиным, Перов долго уговаривал мать мальчика позировать в известной картине «Тройка» – тот не пожил и месяца, жена и дочь Рубенса умерли после написания их портретов в цветущем возрасте 35 и 12 лет, Саския Рембрандта умерла в 30 лет после того, как портрет был закончен...

Сава проклинал себя за то, что под впечатлением написал злосчастную картину «Девушка на пляже». Она вобрала в себя всю жизненную силу Маши. Через три года ее обнаружили в подъезде задушенной собственным пояском от плаща. Главным подозреваемым в деле фигурировал бывший муж. Убийство на почве ревности. Доказательство – Сава знал, что Маша очень гордилась своей талией, и большинство ее нарядов были с пояском, чтобы под-

черкивать стройную фигуру. Алиби отсутствовало – никто не смог подтвердить, что он в тот вечер работал над проектом в съемной квартире. Следователь ему открыто сказал – будешь рыпаться, получишь пятнашку.

Художник зарекся когда-нибудь писать портрет Полинки по памяти или с натуры. Хотя рука сама тянулась сделать это. Особенно на зоне. Там он часто делал наколки на самые разные сюжеты. Он шутил тогда, что вносит большой вклад в дело борьбы с драконами, вампирами, вурдалаками и прочей нечистью, чьими изображениями украшал тела зэков.

Было ли это на самом деле Пика не знал. Хотя у него бывали моменты, когда в процессе удачной работы ему казалось, что он общается с душами своих моделей. И не важно, рисовал он людей или вампиров. Возможно, это была просто игра разума, подсказывающая автору какие-то нюансы мимики или выражения глаз, наиболее точно отображающие характер или настроение модели. Аналогично эзотерикам, которые утверждают, что зеркало это портал для перехода в иные миры, портретисты создают на холсте или бумаге облик чьей-то души, которая может прежде времени перейти в иной мир. Случайно ли, намеренно, это другой вопрос, но такой портал приоткрывается на бумаге.

Его размышления прервал вызов сотового телефона, который так и остался на тумбочке у изголовья кровати.

– Сав, привет, – голос Дины показался Пике взволнованным, – у меня дела сегодня, так что не жди и ужинай сам. Если что, перезвони на этот номер или кинь SMS-ку.

Скороговорка прозвучала по-деловому коротко, как инструкция. Каких-то обещаний или притязаний между ними не было. Бывшему зэку вообще никто ничего не должен, разве что нужно было явиться по месту последней прописки для оформления формальностей в двухнедельный срок. Других дел пока не было.

Пика решил порадовать себя ужином. Мирские радости пока ему не надоели, и он относился к этому вопросу серьезно и обстоятельно. Холодильник оказался верным и отзывчивым товарищем в подготовительном процессе. Помимо хороших закусок и начатой вчера курицы, он сохранил нетронутым блюдо из целиком запеченной форели, фаршированной грибами. Конечно, это было куплено в ближайшем ресторане, но рядом тосковала запотевшая бутылка белого бордо. Эта парочка так обрадовала бывшего зэка, что он переоделся в ставший почти родным халат, чтобы чувствовать себя настоящим халифом.

Знаки

Сава проснулся от того, что пошел снег. Он всегда чувствовал это. Снегопад нес обновление и одновременно укрывал старые грехи. По крайней мере так Пике всегда казалось на зоне. Особенно в этом деле старались метели. Они зачищали и зашлифовывали все трещинки и царапинки в судьбах тех, кто оказался за колючей проволокой. Снег бывает только белым, и этот цвет чистоты, которую Создатель дарит любой душе для того, чтобы смыть следы прилипшей грязи. У кого-то они появлялись умышленно, у кого-то совершенно незаслуженно. Поэтому Пика всегда припадал к зарешеченному стеклу, если на зоне шел снег. Это был знак.

Вот и сегодня, он проснулся засветло, потому что пошел снег. Закутавшись в теплый халат у кухонного окна, бывший зэк смотрел и смотрел на крупные хлопья. Косые лучи уличных фонарей едва пробивались поверх крыши, выхватывая в предрассветный час лишь краешек сада. Фонари погасли по расписанию, когда должен был бы наступить рассвет, но солнце заплутало где-то в серых снежных тучах, и ночь смешалась с утром, превратившись в нечто неопределенное.

– Час снежного человека, – промелькнуло в сознании бывшего зэка. – Снег напрочь стер прошлое, не определив будущего. Это про меня.

Сава поежился. Нельзя впускать негатив. Хан абсолютно прав, нужно из любой ситуации брать только лучшее. Пока он плывет по течению, силенок на большее нет. Нужно выждать, когда у той речки появится пологий бережок, и зацепиться. Оформить паспорт и разжиться деньгами. Хорошо бы, та речушка оказалась Петрицей. Впрочем, денег там нет и не будет. За ними нужно в столицу топать. Может салон тату открыть?

Это послужило поводом начать кофейную церемонию. Бывший зэк привычно включил свет и, не глядя, открыл полюбившуюся «кофейную» полку. Пика надеялся, что пока он будет рассуждать о салоне и крутить ручку кофемолки, зерна впитают его мысли-образы и непременно подадут знак. Бывший дизайнер даже набросал воображаемый план интерьера и подобрал репродукции для стен. Несколько лет работы в «Паленке» не канули в Лету, он знал, что еще способен на многое.

Турка охотно принялась за привычное дело. Ладони сами потянулись к теплу над ней. Сава с удивлением заметил, что привыкает к этому дому и этому образу жизни. Еще бы вид на закат, какой был с веранды дома, что он построил на Петрице. Можно было бы писать, думать над сюжетами новых картин и опять писать. Россия неисчерпаема в своей красоте, она способна постоянно дарить новые замыслы. Хоть зимой, хоть летом. Про осень и говорить не приходится, это время поэтов. Русь вся пропитана светлой грустью, которая так и тянет к творчеству...

– О! Ранняя пташка, – в дверях стояла Дина. – Грешным делом подумала, что ты забыл выключить свет. Или еще не ложился?

– Нет. Просто снегопад был, – отчего-то засмутился Сава.

– И романтичная душа на снег смотреть не уставала... – с иронией продекламировала женщина с карими глазами.

Он промолчал, сделав вид, будто больше всего на свете сейчас боится упустить главный момент в процессе приготовления кофе.

– Что говорят знаки?

– Дорога дальняя, – тут же откликнулся бывший зэк.

– Надеюсь, не в казенный дом.

– Посмотри, – он бережно поставил на стол турку и кивнул.

– Действительно, похоже, – Дина вскинула на него большие карие глаза, в которых мелькнуло то ли удивление, то ли восторг. – Ты шаман?

– Мольфар в третьем поколении.
– Просвети темную девушку, – она слегка улыbnулась, оценив неожиданную шутку.
– Это карпатские повелители гроз, потомки славяно-ариев.
– То есть мы теперь можем быть спокойны на счет погоды? – Дина привычно откинулась на спинку диванчика и закинула ногу на ногу.
– На счет молний я распоряжусь... Кофе будешь?
– Спасибо, нет. Приму душ и до часу посплю. В два за нами придет машина, а ты пока приведи себя в порядок. Форма парадная. В прихожей сумка с дорожными принадлежностями, можешь положить туда джинсы и рубашку.
– А халат? – Сава изобразил полное разочарование.
– Он подождет тебя здесь. Будешь скучать по нему, быстрее вернемся.
– Осмелюсь напомнить, что я бомжик.
– Неужели? – Дина достала из внутреннего кармана делового костюма новенький заграничный паспорт и, открыв, прочитала: – Денисов. Сергей Владимирович... По-моему, похож.
– О! Так у меня сегодня...
– Забуди! – женщина со строгим взглядом оборвала его. – Сегодня ты на работе.
– За рулем, так за рулем, – он скрестил руки на груди. – А кофе?
– Только с молоком.
– Любимой женщины?
– И не мечтай.
– Вот за это я не люблю дороги.
– Не зарекайся, – она медленно встала и, выходя из-за стола, случайно едва коснулась его плеча грудью. – В два разбуди меня, а до этого собери сумку, запомни свои данные, побрейся и смотри, чтобы в спальню никто не входил. Охраняй!
– Изнутри?
– Только снаружи.
– А вдруг тебе станет страшно одной?
Уже в дверях, она, не оборачиваясь, погрозила ему пальчиком, будучи уверенной, что бывший зэк не отрываясь смотрит на ее стройную фигуру.

Налив себе кофе в маленькую чашечку, и смакуя мелкими глотками, Сава начал разглядывать заграничный паспорт, стараясь запомнить свое новое имя. Фотографию Дина сделала еще в первый день их знакомства, когда принесла костюм. Глаз у нее наметан, пиджачок сидел отлично на его худеньких плечиках. Кадр получился удачный.

– Кому-то повезло с сотрудником, – подумалось Пике. – Все умеет и успевает.

В паспорте не было наклеено ни одной визы. Значит, они поедут не в Европу и не в Лондон. Хотя, не исключено, что им проще было оформить заграничный паспорт, чем гражданский. Он поймал себя на мысли, что подумал «им». Пока бывший зэк совсем не продвинулся в этом направлении. Ну, что же будем брать лучшее, Пика вспомнил поговорку Хана, который опять оказался прав.

Ключей от входной двери так и не было ни в замке, ни на полке в прихожей, ни в дорожной сумке. Бывшего зэка держали на коротком поводке. Но кормили хорошо. У него даже был новенький галстук в тон поясному ремню. Судя по всему, ехать придется именно в нем, поскольку джинсы велено положить в сумку. Там еще была новенькая куртка, пара свитеров, хорошие туфли. Для января такая одежда годится только в южных странах. Эх, халат будет скучать... Ну, извини! Работа.

От нечего делать, Сава принялся изучать библиотеку в кабинете Игоря Михалыча. Четыре широкие полки до самого потолка были плотно укомплектованы книгами строго по направлениям: история, мемуары, классика, шахматы. Последние весьма удивили бывшего

художника. Тут были учебники, сборники известных партий, подшивки шахматной периодики разных стран прошлого века, упакованные в хорошие переплеты, очерки и воспоминания участников крупных турниров и чемпионатов.

Художник даже позавидовал такой аккуратности и щепетильности в вопросе, который явно был только увлечением хозяина библиотеки, но никак не профессией. Сава, к своему стыду, до библиотеки не дорос. У него в доме на Петрице водились какие-то книги по живописи и портрету, но то были подарки красивых дорогих изданий и какие-то случайные каталоги. Систематически или целенаправленно заниматься библиотекой он не думал.

Теперь, разглядывая полки, уставленные не собраниями сочинений в одинаковых переплетах, а разнокалиберными внешне, но объединенные единой логикой, книгами Пика прониклся все большим уважением к их хозяину. Захотелось с ним пообщаться на эту тему.

И вот уже проявляются контуры нового рисунка. Пожилой мужчина сидит в кресле у торшера и увлеченно читает книгу. Спокойное лицо едва тронула усмешка. Очевидно автору удалось затронуть душу, пережившую немало на своем веку. Несмотря на возраст, читатель явно способен сопереживать и подростку, впервые испытывающему романтическую увлеченность, и многодетной матери, взывающей к Создателю о помощи в трудной финансовой ситуации.

– Признаться, ты прав, – голос генерала звучал с удивительной теплотой, – нас у матери было одиннадцать душ. Отец погиб при аварии на Путиловском, и вопрос о хлебе насущном часто был основным. Кстати, ты знаешь, почему «насущенный»?

– Это из молитвы какой-то, – неопределенно ответил художник.

– На существование, – уточнил голос Игоря Михалыча, – и не более того. Хотя, мы не голодали, Путилов помогал после потери кормильца. Почему-то о нем забыли. Незаслуженно забыли, а, ведь, для России много сделал этот русский инженер.

– Там что-то с революцией связано, – единственное, что удалось вспомнить Пике.

– К сожалению, в классовой борьбе после 1917 было много так называемых «перегибов», но не грех было бы немного знать о Путилове. В Крымскую войну 1854–1856 годов, когда англичане и французы устроили нам экономическую блокаду...

– Ввели санкции?

– Это современная политкорректность, – усмехнулся голос хозяина библиотеки, – а суть та же. Так вот, вопрос был серьезный. У англичан закупали сталь для орудий, у французов винтовки, у немцев снаряды. Не умели их тогда в крестьянской Руси сами делать. Выручил Путилов.

– Денег дал?

– Вранье, – отрезал генерал. – Тогда к Путилову обратился Великий князь Константин Николаевич и спросил, можетли русский инженер придумать и сделать для страны необходимое. Причем, Великий князь на это дал собственные средства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.